

Глава 12: Гноющаяся рана, что никак не заживает

Сюй Мосин сидел в инвалидном кресле, глядя на дверь, и молчал.

Су Личэнь убирал посуду рядом с ним и ничего не говорил.

Спустя какое-то время Сюй Мосин вдруг спросил:

— Моя сестра хотела тебе что-то сказать?

Не прекращая своего занятия, Су Личэнь ответил:

— Вряд ли. Я редко общаюсь с твоей сестрой.

Сюй Мосин посмотрел на него.

Су Личэнь унёс миски на кухню.

Сюй Мосин остался один в гостиной.

Он вспомнил, каким взглядом сестра смотрела на него раньше, вспомнил её слова: «Ставь себя на первое место. Быть немного эгоистом — это нормально», — и ещё подумал о том, каким взглядом она посмотрела на Су Личэня.

Вечером, после того как Су Личэнь обтёр его губкой, он перенёс его в постель.

Сюй Мосин лежал и смотрел на Су Личэня со спины, пока тот убирался, и вдруг заговорил:

— А-Ли.

Су Личэнь обернулся.

— Что тебе сегодня сказала моя сестра?

Су Личэнь помедлил.

— Ничего.

— То, как она на тебя смотрела, было странным.

Су Личэнь не ответил.

Сюй Мосин подождал несколько секунд, не получил ответа, и снова спросил:

— У нас... были какие-то проблемы раньше?

Су Личэнь посмотрел на него.

В спальне горела только прикроватная лампа, отбрасывая тусклый жёлтый свет, в котором было трудно разглядеть выражение их лиц.

— Почему ты спрашиваешь?

— сказал Су Личэнь.

Сюй Мосин на мгновение задумался.

— Не знаю. Просто чувство... Когда вы сегодня разговаривали, казалось, будто есть что-то, чего я не знаю.

Сюй Мосин добавил:

— Хотя это не совсем точно. Я действительно потерял память, так что многого не знаю, но мне кажется, вы что-то от меня скрываете.

Су Личэнь долго молчал.

Потом подошёл и сел на край кровати.

— Твоя сестра...

— сказал он, — она никогда меня особо не любила.

Сюй Мосин опешил.

— Почему?

— Она считает, что я тебя не достоин.

— Су Личэнь посмотрел на него.

— Её беспокоит то, что случилось раньше.

Сюй Мосин надолго задумался.

— Так ты хорошо ко мне относишься?

Су Личэнь не ответил.

Он смотрел в глаза Сюй Мосина, и его взгляд был таким глубоким, что его трудно было прочесть.

— А ты как думаешь?

— спросил он.

Сюй Мосин подумал и кивнул.

— Мне кажется, ты ко мне довольно хорошо относишься.

Ни слова не говоря, Су Личэнь протянул руку и убрал волосы со лба Сюй Мосина.

Его прикосновение было таким нежным, словно он боялся что-то сломать.

— Вот и хорошо, — сказал он.

Потом встал.

— Спи.

Лампу выключили.

В темноте Сюй Мосин лежал с открытыми глазами.

Они постоянно говорили загадками, и от этого ему было не по себе.

Он слышал, как Су Личэнь лёг рядом с ним.

Через мгновение из темноты раздался голос Сюй Мосина:

— А-Ли.

— Мм?

— Врач говорил, насколько вероятно, что ко мне вернётся память?

— Он только сказал, что нужно внимательно наблюдать, что мозг слишком сложен, чтобы быть в чём-то уверенным, — может, вернётся, а может, так навсегда и останется.

— Понятно. Вообще-то я очень хочу всё вспомнить, чтобы помнить счастливые моменты, которые у нас были за эти пять лет, и ещё чтобы, когда моя нога заживёт, мне было легче найти работу. А то мне всё время кажется, что я от тебя отстаю. Мне двадцать семь лет, а в голове у меня всё ещё двадцать два, без всякого опыта работы.

Сюй Мосин, честно говоря, немного тревожился — не только из-за того, что от него, похоже, что-то скрывали, но больше из-за того, как ему дальше жить.

Су Личэнь сказал:

— Не переживай. Просто води себя так, будто тебе двадцать два. Немного объяснишь, и какая-нибудь компания обязательно поймёт. Я тебе тоже помогу. А пока просто сосредоточься на выздоровлении.

— Мм... спасибо, А-Ли. Не знаю, что бы я без тебя делал, А-Ли.

— Спи.

— Спокойной ночи.

Засыпая, Сюй Мосин не услышал, чтобы Су Личэнь сказал ему «спокойной ночи» в ответ, но в полусне он услышал, как Су Личэнь прошептал: «Я люблю тебя. Прости меня. Спокойной ночи».

Сюй Мосину снова приснился сон.

Во сне работа делала его несчастным, но он не осмеливался уйти, всё время думая, что в другой компании будет то же самое — лучше уж знакомое зло, — и так он продолжал обманывать себя, каждый день с ужасом идя на работу.

Вдобавок ко всему, его мать заболела, и на лечение нужны были деньги, так что Сүй Мосин ещё больше боялся увольняться.

Во сне Сүй Мосин вспомнил свою прежнюю жизнь.

Сүй Мосин глубоко понимал, к каким последствиям приводит отсутствие денег.

Потому что именно так он жил до того, как начал зарабатывать.

Поэтому, когда он начал работать, он стал особенно любить копить деньги, считая каждую копейку, и чувствовал себя в безопасности, только когда у него были сбережения.

Он видел, как многие сейчас постоянно говорят, что скучают по школьным временам, но Сүй Мосин во сне никогда не хотел возвращаться в студенческие годы, даже несмотря на то, что работа была такой мучительной.

Потому что он до ужаса боялся бедности. Работа была мучительной, но за неё платили деньги, так что он предпочитал работать.

Настоящая бедность — это когда нет ни любви, ни денег, и каждый семестр из-за платы за старшую школу в какую-то тысячу-другую вспыхивали ссоры.

Когда Сүй Мосин стал старше, отец перестал бить мать у него на глазах и начал делать это за его спиной.

Когда её били, мать не осмеливалась издать ни звука, а потом шла плакаться к Сүй Мосину.

Когда Сүй Мосин шёл выяснять отношения с отцом, мать удерживала его, говоря: «Как ты можешь бить своего отца? Он твой отец. Что бы ни случилось, ты не можешь его бить».

Самым удушающим в этой семье было то, что она не была совсем уж плохой. Если бы они просто наотрез отказались дать Сүй Мосину ходить в школу — это было бы одно, но они этого не делали.

Через побои, ссоры, унижения и эмоциональный контроль родители в конечном счёте позволяли ребёнку продолжать учёбу, но постоянно внушали ему чувство вины.

Это не было самым худшим, но и любви там было немного.

Тебе давали самый минимум: оставляли в живых и позволяли ходить в школу.

Но в то же время у ребёнка постоянно отнимали другое: эмоциональную свободу, интеллектуальную самостоятельность и тот тёплый образ «дома», который должен был существовать.

Эта модель «дать немного, забрать много»

— вот что по-настоящему мучило людей.

Потому что она навсегда оставляла ребёнка в месте, где он не мог ни полностью ненавидеть, ни полностью любить.

Они растили ребёнка, но при этом постоянно жёстко контролировали его эмоции и мысли, обращаясь с ребёнком как с игрушкой.

Они играли с ребёнком, делая невозможным полный разрыв эмоциональных связей с семьёй даже после достижения финансовой независимости.

В этом был корень страданий Сюй Мосина.

Эта семейная модель не прекратилась, когда Сюй Мосин и Сюй Цзяньцин ещё зависели от родителей финансово; даже теперь, когда брат с сестрой ежемесячно отправляли деньги на жизнь домой, родители всё равно пытались контролировать их разными способами.

За все эти годы жизненная среда изменилась, условия семьи улучшились, но мышление родителей не изменилось — как и их модели поведения.

Особенно каждый год, когда приходило время ехать домой — и хотелось, и не хотелось — это было самым мучительным.

Это как иметь доброкачественную опухоль, которую нельзя удалить, вросшую в твои кости и мысли, заставляющую страдать без выхода.

Иногда быть просто плохим — не самое худшее; именно промежуточное состояние мучительнее всего.

Это психологическая пытка, от которой ты чувствовал, что не можешь ни жить, ни умереть.

Ты не мог получить тепло от своей семьи и не мог получить от них свободу.

Год за годом ты повторял цикл «хочу вернуться, не хочу возвращаться», и каждый раз чувствовал, будто тебя поджаривают на огне.

Сюй Цзяньцин выбрала стать жестокой и сильной.

Сюй Мосин не мог этого сделать, поэтому оставался в ловушке.

Сюй Мосин не знал, что делать, и его негатив продолжал накапливаться.

Во сне Сюй Мосин пришёл домой и хотел поговорить с Су Личэнем. «А-Ли, послушай, сегодня я...»

Су Личэнь, глядя в телефон и занимаясь работой, отвечал: «Мм, мм».

Сюй Мосин замолчал. Обычно он был разговорчивым, но он не мог переработать эти эмоции. Когда он пытался поговорить о них с Су Личэнем, Су Личэнь отмахивался от него.

Его сестра не желала слушать, и с друзьями он тоже не мог говорить о таких вещах.

Но он знал, что не может никого винить, потому что никто не обязан — и не должен — принимать его негативные эмоции.

Что касается того, чтобы переработать их самому — легко сказать, да трудно сделать. Всего четыре слова, но скольким людям за всю жизнь это так и не удаётся?

Сюй Мосин ясно осознавал, что он во сне был болен. Он чувствовал, что в этой версии его самого даже были черты его матери.

Это было ужасающе.

□ Глава подготовлена командой Webnovels

Нашли ошибку или неточность? Напишите в комментариях — подарим вам бесплатную главу □

Спасибо, что читаете нас □

<http://bllate.org/book/18985/1868981>